

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К35

Minka Kent

THE STILLWATER GIRLS

Copyright © 2019 by Nom De Plume LLC
This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with
Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Сергея Самуйлова*

Кент, Минка.

К35 Девушки из хижины / Минка Кент ; [перевод
с английского С. Самуйлова]. — Москва : Эксмо,
2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-113241-5

В лесной глуши есть хижина, там живут две девушки.
В их хижине нет электричества и почти не осталось еды.
Однако они преданно ждут Маму и не рискуют выходить из
леса в опасный внешний мир. Ждут уже шестьдесят три дня.

А где-то далеко, в особняке у края леса, Николетта пере-
бирает в комод вещи своего мужа Бранта и случайно находит
фотографию. Брант давно ведет себя странно, снимает тай-
но деньги со счетов и скрывает свои телефонные звонки. Но
именно это фото заставляет Николетту впервые испугаться.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Самуйлов С., перевод на русский
язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113241-5

*Моим дорогим.
И моему дорогому*

ГЛАВА 1

Рен

Естьдесят три дня — вот как долго нет Мама. Я скребу мелом по доске, ставлю крестик в календаре на двадцать первом ноября.

Иви, где бы она сейчас ни находилась, в следующий четверг исполнится девять.

Представляю ее кривую улыбку, светлые кудряшки, костлявые коленки и улыбаюсь про себя, но всего лишь на секунду.

Трудно улыбаться и негде взять сил, когда пальцы превратились в сосульки, желудок сводит от голода, а веки отяжелели так, что ты не можешь их поднять.

В последнее время Сэйдж завела привычку возиться с куклой, которую я сшила ко дню рождения Иви, хотя восемнадцать не самый подходящий возраст для таких забав. Думаю, ее это утешает — держать что-то в руках и укачивать, как делала Мама.

Мне утешения не нужны.

Мне бы только выжить.

С каждой ночью в домике все холоднее, и мы договорились вставать по очереди, чтобы поддер-

8 МИНКА КЕНТ

живать огонь. Прошлой ночью Сэйдж проспала; я проснулась и тряслась от стужи так, что едва выбралась из постели, а когда наконец отыскала во тьме спички, дыхание вырывалось изо рта клубочками пара.

Никогда еще я так не замерзала; холод пробирал до костей, и они, казалось, вот-вот захрустят и треснут.

За стеной воет ветер; Сэйдж готовит на завтрак яйца над потрескивающим огнем. Тряпичная кукла отдыхает на стуле, смотрит мертвыми глазками-пуговицами и ждет.

Мы всегда ждем.

Запасы между тем подходят к концу, и до прихода суровой, судя по всему, зимы остаются считанные недели. Утки и гуси в этом году улетели на юг раньше обычного, а пауки тучами лезут в жилище и плетут огромные паутины. Мама всегда говорила, что это верная примета.

За прошлый месяц мы потеряли пятерых из наших восьми кур и сами не знаем, как и почему. Будь здесь Мама, она бы знала. Каждое утро, когда мы проверяем курятник, я боюсь найти еще одну мертвую птицу, которую расклевывают оставшиеся в живых. Не хочется думать, что случится, когда подохнут оставшиеся три.

Может, они заболели, как Иви?

Хворает ли она до сих пор?

Думаю, что да, потому что вестей от Мамы нет с тех пор, как они ушли среди ночи за помо-

щью. Сестренка вся горела, с трудом дышала, и в груди у нее скрежетало — такой звук бывает от камешков в жестяной банке. Мама укутала нашу младшую сестру в шерстяные одеяла, собрала небольшую сумку, и мне в память врезалось выражение ее глаз. Я вижу их ясно каждый раз, когда закрываю глаза.

Мама никогда не паниковала, но в ту ночь ее охватила паника.

Напоследок она сказала: «*Никому* не открывайте дверь. Никому, девочки, вы меня поняли?»

Она сжала губы, еще крепче прижала к себе обессиленную Иви, и взгляд ее дрогнул. Мгновение спустя они ушли и исчезли в лесу, обступившем со всех сторон наш участок. Сердце мое билось как сумасшедшее; я смотрела ей вслед, а когда блеклое платье Мама слилось с тьмой и растворилось, заперла дверь.

Они уже давно должны были вернуться.

ГЛАВА 2

Николетта

Мне отчаянно требуется какой-нибудь лейкопластырь, чтобы скрепить наши брачные узы.

Но лейкопластыри не пригодны для зияющих ран.

Их применяют для царапин, заусенец и порезов бумажным листом — тех ранок, что быстро заживают и исчезают без следа. А наш брак —

рваная рана, из которой хлещет, вытекает все то доброе, что необходимо для выживания, что делает нас одним целым. И подходящего жгута поблизости не видно.

Я не знаю, как это остановить.

Знаю только, что должна пытаться... потому что я теряю его.

— Они сказали, что мы можем планировать наше домашнее обучение, когда захотим. — Я стою у плиты, обжариваю на сковородке «Ле Крезет» чеснок с капустой, и муж поднимает взгляд от ноутбука, стоящего на кухонном столе. — Еще немного, и у нас будет разрешение на усыновление в штате Нью-Йорк.

Брант поправляет на переносице очки в тонкой оправе, и я жду улыбки или какого-то знака, подтверждающего, что ему эта новость приятна, но напрасно.

— Они сказали, что после того, как нас одобрят, может пройти целый год, прежде чем мы станем приемными родителями, — добавляю я, стараясь справиться с чувством вины. Оно накалывает каждый раз, когда муж не выказывает воодушевления. — Но иногда это происходит сразу. Тут не угадаешь.

Брант снова переводит взгляд на экран — он занят, редактирует фотографии для предстоящих выставок. Музей современного искусства «Беллхаус» на Манхэттене решил в течение следующих четырех месяцев выставлять его работы. С тех

пор, как мы получили эту новость, муж просто сам не свой и то и дело выходит из себя, хотя всю жизнь мечтал, что его работы будут признаны и выставлены на всеобщее обозрение таким всемирно известным учреждением.

Деревянной ложкой я сталкиваю тушеную капусту и поджаренные кусочки чеснока на сервировочную тарелку, вытираю руки о фартук и проверяю, как прожарился цыпленок.

— Ты можешь представить, что здесь будут бегать дети? — спрашиваю я с усмешкой.

Я могу.

Я уже представляла себе это тысячу раз. Может, больше.

Вот как бывает, когда в двадцать два встречаешь мужчину своей мечты, выходишь за него замуж, решаешь повременить с детьми, чтобы вместе ездить по миру, пока он фотографирует самое прекрасное, что есть на планете. А потом в двадцать пять теряешь сознание, оказавшись на операционном столе по поводу экстренной гистерэктомии.

— Мне никто не нужен, кроме тебя, Ник. Ни в прошлом, ни в будущем, — сказал Брант, когда в то утро меня везли из операционной. Он держал меня за руку, целовал мои пальцы, неотрывно смотрел в глаза, пока меня не накрыла теплая волна его любви и уверенности. Это единственное, чем мне по-настоящему запомнился тот день. Остальное смазалось и померкло. Осталь-

ное смыли годы усилий, в течение которых я старалась забыть о своем богоданном женском естестве, отнятом у меня так внезапно и бесповоротно.

Оказывается, утрата способности иметь детей отнюдь не подавляет стремления быть матерью. Она лишь делает его менее осуществимым, как недоступный предмет мечтаний, убранный на самую верхнюю полку, когда поблизости нет лестницы.

Кстати, о мечтах. Прошлой ночью мне опять приснился сон про детей. Тот, в котором я прекрасным осенним днем толкаю перед собой по парку прогулочную коляску и, только опустив взгляд, обнаруживаю, что она пуста.

Она всегда пуста.

А потом я, как обычно, просыпаюсь в холодном поту и с зияющей пустотой в груди, постепенно осознавая, что все это не наяву.

Ребенка нет. И никогда не было.

Мое подсознание — жестокая трусливая сука. Она показывается только тогда, когда я не в состоянии отогнать ее, заткнуть ей пасть и заставить умолкнуть.

Я понимаю.

Я пуста.

Я хочу того, чего не могу получить.

— Ты уже редактировал эти снимки сотни раз, — говорю я, снимая цыпленка с ультрасовременной плиты в нашей ультрасовременной

кухне. Все это стало нашим подарком самим себе на Рождество два года назад. Вот какие вещи волнуют нас, когда нет детей. Но чего мне не суждено, так это хоть бы раз стереть с нержавеющей стали следы липких пальчиков.

Брант игнорирует мое замечание.

Я игнорирую боль от понимания того, что в его жизни я на втором месте — после работы.

Так было всегда. В какие-то годы лучше, в другие — хуже, но никогда не было так плохо, как в последние пару лет. Временами ловлю себя на том, что безрассудно ревную мужа к работе, словно к любовнице, дающей ему все, что он пожелает, и чувствую себя неадекватной и неуверенной в себе, хотя никогда такой не была.

Он говорит, что должен следовать своей музе.

Иногда этой музой бываю я.

Иногда нет.

Мне просто не хватает его внимания. Его присутствия здесь и сейчас. Я скучаю по его смеху. Его нежности. Его обожанию. По всем его лучшим чертам, тем, что я любила самозабвенно, не задавая вопросов.

Я скучаю по *нам*.

Наполнив тарелки, несущу обед на стол и сажусь возле него. Брант с явной неохотой закрывает ноутбук и убирает в сторону.

— Извини, Ник. — Его рука тянется к моей, наши глаза встречаются, и он произносит: — Вы-

ставка в «Беллхаусе» — одна из величайших удач, и она превратила меня в эгоистичного осла.

Он подносит мою руку к своим губам, и мы смотрим в глаза друг другу.

Я купаюсь в этом неожиданном признании, кутаю в него, как в теплое одеяло, свое израненное эго. Он понимает. Впервые за долгие годы он наконец понимает.

— Представить себе не могу, какой груз давит тебе на плечи, — отвечаю я, как всегда — сочувствующий партнер. — Просто скажи, чем я могу помочь, ладно?

Полагаю, за эти годы я вырастила собственного монстра, всегда готового поддержать и понять, не задавая лишних вопросов, но так вы и поступаете, когда любите кого-то, когда обещали посвятить ему всю свою жизнь, что бы ни случилось.

Его счастье — мое, и наоборот.

Или, по крайней мере, так было — наоборот.

Брант выпускает мою ладонь и достает вилку из складок салфетки.

— Значит, про это дело с усыновлением...

У меня холодеет сердце. Брант никогда не относился к мужчинам, мечтающим о детях. С самого начала всякий раз, когда я заговаривала о них, он занимал позицию «хочешь — заводи, хочешь — нет», всегда оставляя решение за мной.

После моей операции мы рассматривали вопрос об усыновлении, но нам сказали, что может

потребоваться до десяти лет на поиски здорового ребенка, поэтому мы воздержались, убедив себя, что нам достаточно друг друга, и оправдывая такую позицию всеми доступными способами.

— Возможно, это знак, — сказал как-то Брант. — Не всем суждено стать родителями.

Брант справлялся с нашим выбором, с головой уйдя в работу, соглашаясь на все новые международные проекты. Он использовал малейший шанс брать меня с собой в поездки. Возможность увидеть мир и забыться избавляла мой разум от физической пустоты, созданной нашим выбором. Но, как оказалось, лишь на время.

Пустота эта неизбежно возвращалась, десятикратно усиливаясь, и всегда казалась тем страшней, чем холоднее стояла погода. Возможно, ее провоцировали голые деревья вокруг нашего дома. В это время года они выглядят унылыми и неживыми, как мое опустошенное лоно.

Заставляю себя не думать о том, что к этому времени мы уже могли бы иметь ребенка, если бы не отказались от своего намерения и записались в очередь.

Вот что с вами делает страх. Он вынуждает усомниться в том, чего вы хотите, и в том, хотите ли вы этого.

— Ненавижу, когда не знаешь, чего ждать, утвердят нас или не утвердят и все такое, — говорю я, — но это вроде как будоражит, верно? Словно небольшое приключение.